

Постой, паровоз, не стучите, колеса...

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

— Андрей, когда ты пришел на Малую Бронную, вокруг говорили, что старый опытный Коган сожрет малыша Житинкина...

— Ну да, ну да. И мальчики кровавые в глазах... Ничего, пока все целы. Илья Аронович понял, где мне не надо наступать на хвост, а я понял, где не надо наступать на хвост ему. Главное — это сохранять солидарность по принципиальным вопросам. Ребенок, если ему отказал папа, бежит к маме. И если мама принимает другое решение, это конец. Актеры — дети, и они не должны бежать от одного родителя к другому. Мы с директором обязаны придерживаться единого мнения. А уж как это будет достигнуто, наша внутренняя проблема.

(Из интервью Андрея Житинкина «Новым Известиям». 5 августа 2002 года)

Как правило, театральная премьера — это встреча. «Анна Каренина» на Малой Бронной сразу обернулась разлукой. Так сказать, прощальная гастроль. Бывший главный режиссер, чей контракт истек десять дней назад, уехал от зрителей на игрушечном поезде, невесело помахивая букетом. Последнее время директор Коган придерживался единого мнения совсем с другими людьми (конкретно — с той половиной труппы, которая предлагала гнать Житинкина в шею), и внутренние проблемы Бронной всплыли на всеобщее обозрение.

В каком-то смысле Житинкин, как и его любимая героиня, тоже попал под паровоз. Но не будем говорить, что роль паровоза исполнил лично Илья Аронович Коган. Это все-таки не девочка, с которой вчера в парке на скамейке познакомились. Восемьдесят два года мужику, и все хорошее о нем, как и все дурное театральной Москве великолепно известно. Житинкин согласился прийти к Когану наемным служащим, с громкой должностью и полным отсутствием всяких прав, то есть сам себя поставил в дурацкое положение, за что и был наказан.

Может быть, Житинкин — не идеальный выбор, но режиссеры у нас на улицах не валяются. Может быть, «Анна Каренина» — не величайший шедевр театрального искусства, но публику она соберет и кассу, безусловно, сделает.

Сформулируем вопрос иначе: понравилась ли «Анна Каренина» Андрею Житинкину лично, например, мне? Ответ будет: очень. Очень понравилась. Ибо я никогда прежде не предполагала, что смогу хохотать над лучшим (на мой взгляд) романом Льва Николаевича, а вот Андрей Альбертович предоставил нам всем такую возможность. Вообще Житинкин мастер комических постановок. Всякий раз возникает чувство, что он откровенно прикалывается, дразнит публику: ну-ну, долго ли вы еще просидите здесь с такими серьезными лицами? Правда, для своих стебных экспериментов Андрей выбирает исключительно серьезную литературу, что и вводит часть зала в заблуждение: на «Анне Карениной» две или три старушки рыдали от сочувствия, тогда как наш первый, состоящий в основном из циничных критиков ряд лил слезы от смеха.

Думаю, мы верно разгадали издевательский замысел Житинкина. Он представил всю историю в таком неправдоподобном, таком гипертрофированном виде, что принимать ее за чистую, то есть толстовскую монету стало совершенно невозможно. Во-первых, полон сюрпризов Каренин. Олег Вавилов с места в карьер демонстрирует манеры настолько жеманные и речь настолько протяжную, что вот вроде бы и готовая концепция: Алексей Александрович голубой. Отсюда острая эротическая неудовлетворенность его супруги. Но нет — буквально через сцену чиновник будет страстно обнимать Аннины колени и весьма некстати задирает ей платящие: великолепная в целом фигура Евгения Крюковой имеет все-таки отдельные изъяны, в частности, у нее слишком широкие шиколовки... Итак, Каренин ориентирован нормально, но человек он действительно малосимпатичный. Карикатурный, анекдотический персонаж, который зала-

мывает руки, заплетает ноги, рыдает, по-цыгански встряхивая плечами, пронзительно вскрикивает и столбенеет от дурных известий, как подстреленный. С такими актерскими способностями ему бы не в царской, а в нашей Госдуме заседать. Вообще кажется, что Каренин перманентно пьян (с горя), но это только догадки...

Карикатурностью образов с Карениным могут поспорить дамы: Долли (Ольга Сирина) и графиня Лидия Ивановна (Альбина Матвеева). Первая с таким упоением кричит про то, как муж ее обманывал, а она все простила, что хочется сказать ей: ну и дура. Вторая же в сцене скачек почему-то навзничь валится со стула, как раз подгадав падение к фразе: «Вронский цел, но его лошадь сломала спину», от чего реплика становится весьма двусмысленной...

В спектакле много воды — в том смысле, что на авансцене все время сыро. Сначала Анна и Вронский очень негигиенично поливают друг

друга чаем, не в силах удержать блюде дрожашими от страсти ручками; потом Анна с размаху роняет лейку, а Вронский — ведро; еще потом граф Алексей Кириллович полощет рот и плюется в непосредственной близости от первого ряда; чуть позже господин Каренин, громко фыркая, опрыскивает катушки; и в довершение всей этой антисанитарии Вронский очень натурально давится пистолетом — зрители вжимаются в кресла, боясь тут же, немедленно ознакомиться с содержимым его желудка. Каждый эпизод отдельности небезопасен, но все вместе выглядит очень смешно.

Смешны (как всегда) костюмы, выполненные любимым художником Житинкина Андреем Шаровым. Любовь в самом деле зла — это видно и по Карениной, и по Житинкину. Пользуясь слабостью друга, Шаров без зарения вези в энный уже раз сторговал ему спартаковский двуколор — белое с красным, женские меха для оторочки мужских пальто, золотое шитье буквально по-

всюду (даже на домашнем шлафроке Каренина), а также целую кучу знаменитых штанов с лампасами. Видимо, прежде у Шарова была хорошая спортивная трикотажная, и остатки продукции он щедро рассылает во все театры, нуждающиеся в его эстетических услугах. Отгрузка со склада в Москве. Мелкий опт.

При этом к мундиру Вронского вместо сапог прилагаются белые тапочки, и бродит Алексей Кириллыч по сцене, как советский полковник по сухумской набережной. Единственную же пару сапог отдал англичанину, обездчику, который предпочитает носить их с цилиндром и бабочкой. Сапоги делают простого обездчика столь неотразимым, что его охотно принимают в светском обществе: лошадиный тренер три с половиной часа флиртует, потягивает шампанское, слушает оперу. Демократия на грани фантастики. Глаза на лоб.

С еще большим изумлением я узнала в каренинском камердинере

Андрей Житинкин был назначен главным режиссером Театра на Малой Бронной 7 февраля 2001 года. Предложили труппе пакет названий, который приняли на ура и встретили аплодисментами. Обязательства свои Житинкин выполнил, даже поставил на одно название больше. За прошлый сезон он выпустил четыре спектакля: «Портрет Дориана Грея», «Луду», «Метеор», «Калигула».

Тем не менее в конце ноября прошлого года, то есть за два с небольшим месяца до окончания житинкинского контракта от актеров поступило закрытое письмо на имя директора с просьбой контракт не продлевать. Известно, кто НЕ подписал это послание: Дуров, Вавилов, Сайфулин, Мартынюк... — примерно половина труппы. (Кстати, все родственники Дурова — жена, дочь, зять — в числе «подписантов».) Житинкин назвал письмо анонимкой, поскольку его никому не показали, не вывесили на доске объявлений, однако собрали по этому поводу коллегиию театра.

Из претензий, предъявленных Житинкину: «Работает не со всеми актерами». В труппе Малой Бронной 38 человек, Житинкин задействовал в своих спектаклях тридцать. Плюс — Лев Дуров, числящийся на режиссерской ставке. Хотя, надо честно сказать, некоторый перекос заметен. Прежде всего в сторону Олега Вавилова...

«Приглашает артистов со стороны». Даниила Стрелова, играющего и Калигулу, и Дориана, сразу взяли в штат. Приглашение Александра Домогарова, Аллены Яковлевой и Евгения Крюковой было вызвано, по словам Житинкина, репертуарной необходимостью. Крюкова, кстати, подумывала о переходе из «Моссовета»

на Бронную, что теперь, естественно, исключено.

«Другая эстетика, не сохраняет дух Эфроса». Все, что осталось на Бронной от Эфроса — створки из «Женитьбы» и колесо из «Дон Жуана», Житинкин хранит в своем кабинете. Сергей Женовач работал в совершенно иной манере, нежели Житинкин, но тоже был выставлен. Причем Женовач вспылит, забрал все свои спектакли и ушел с тринадцатью хорошими актерами. Житинкин убивать свои постановки не намерен. Бронная может прокатывать их и впредь.

«Ставит только сам». Житинкин настаивает, что собирался приглашать постановщиков со стороны, тем более, что замкнувшись исключительно на свой театр, он очень теряет финансово.

Недавно Житинкин получил от Когана официальное уведомление об окончании контракта, без объяснения причин. В программке «Анны Карениной» должность главного режиссера вообще отсутствует, там есть только директор и директор-распорядитель.

16 февраля на премьеру присутствовал председатель столичного Комитета по культуре Сергей Худяков. Кому-то вопрос кажется риторическим, а кому-то — подвешенным.

Не теряя последнюю надежду, Житинкин заморозил проект спектакля «Распутин» с Домогаровым в главной роли, а также планы гастролей по восьми городам США. Ему уже поступили предложения от двух крупнейших театров Москвы. В случае, если с Малой Бронной все-таки придется уйти, Житинкин, возможно, объявит полугодовой тайм-аут и будет снимать фильм на немецкие деньги.

Такое кино.

Новые Известия — 2003 — 18 февр. — с. 6

старшего брата Вронского. Только что шелкал шпорами, а сейчас уже сидит на сундучке, починает примус. Разве что бороду другую приклеили. На мой застенчивый вопрос, в действительности ли Александр Вронский и Корней являются двойниками, сидевшая рядом коллега ответила: ну, естественно. Как «естественно»? Почему «естественно»? А вот почему, ткнули меня носом в программку: исполнил роль указан один и тот же — Владимир Яворский. Тут тонкость режиссерской издевки измельчилась до нескольких микрон, и толковать ее я решительно не берусь.

Главные герои, впрочем, в сурпризах и приколах не замечены. Вронский (Александр Ефимов) приятный во всех отношениях юноша, хорошенкии, но какой-то флегматичный. Приходит, уходит, трясет вихрами, носит свои лампасы... Заразиться от него страстью может только ослабленный долгим воздержанием женский организм. Зато Крюкова не просто украшает сцену, но еще и прилично работает. Режиссер создал ей богатый рисунок роли: здесь и слезы, и вскрики, и метания стройного тела, и ежесекундно переменяющаяся мордочка. Большого требовать нельзя. Так играют девятую часть процентов московских актеров и актрис.

Давно ходили слухи, что в спектакле Житинкина Анна будет морфинисткой, то есть наркоманкой. Пузырек с янтарной жидкостью на сцене действительно присутствует и смотрится вполне законно. Более того, этот самый пузырек удачно подчеркивает сущность Анниной натуры, подсевшей на любовь, как на иглу. Хотя глюки, где Карениной мерещится муж с бронтозавровым хвостом, несколько снижают общий трагизм картины.

Вот так и движется Житинкин — от великого к смешному, с явным перекосом в сторону последнего. Вдруг Каренин превращается в нормального человека; вдруг — хорошая сцена у бригодоного «пальцовика» Стивы (Александр Терешков); или — необычайно жалостливый закулисный диалог Анны с сыном... За-

Каренин пытается призвать к порядку неверную жену.

конный Алексей примиряется с Алексеем преступным у постели их общей умирающей жены — очень трогательно. Никакого стеба. А через минуту опять возвращаемся к состоянию кунсткамеры.

Житинкин инсценировал Толстого с тем расчетом, чтобы параллельные сюжетные линии не отвлекли зрителя от романа Карениной с Вронским. Канули в небытие Кити и Левин; исчезли завязка (без Анны) и финал (после гибели Анны). Спектакль закальцован прибытием поезда. Детская железная дорога, вагончики — словно хрустальные гробики со свечами внутри, и трехгла-

вое чудище паровоза. Анна умирает эффектно, однако нельзя сказать, чтоб ее было слишком уж жалко: к такой Карениной — резкой, современной — поневоле подходишь с феминистских позиций. Довольно-таки стервозная особа, переломала двум мужикам жизни и перманентно доводила обоих до белого каления. Вовремя надо было нервы лечить.

Думаю, вы уже поняли, что «Анна Каренина» напоминает все предыдущие спектакли, сделанные Житинкиным на Бронной. В этом смысле перемена адреса может оказаться для Андрея даже полезной. Нет худа без добра.